

ШАВА 1

Зачем поехала? Что хотела познать? Чему научиться? От чего отречься? Или, может быть, хотела увидеть себя сильной, волевой, неуязвимой?

Может быть, может быть... наверное.

А вышло что?!

Вышло так себе, даже не на слабую троечку. И даже два балла много. Кол! Огромный жирный кол она себе поставила в собственную зачетку за предмет самообладания и работы над собой. Проще говоря, работа над ошибками не удалась. А стало быть, не задался и отдых.

Так ведь если бы отдыхать туда поехала, а то за доказательствами! А доказать-то самой себе и не удалось ничего. Оттого и злилась на все и всех.

Досталось и начальству, благосклонно позволившему отбыть к теплому морю в середине июля. Могли бы и продинамить. И рапорт не подписывать, и по плечу не хлопать, и не желать всякого такого, отчего ей пришлось опустить глаза и даже аж зардеться. В ее-то годы!!!

И в билетной кассе девчужка тоже хороша! Взяла и подсунула ей попутчиком молодого мужика, сказавшегося холостым сразу, как в купе ввалился. А от его свежеевыглаженной рубашки, навощенных тувфель и аппетитных бутербродов,

что он начал метать на стол, за версту разило супружеством. И если бы это одно, а то и след незагоревший от обручального кольца, которое он наверняка, как в поезд сел, в карман спрятал, глаза мозолил, и звонки на мобильный каждые полчаса. Тут и ее дедуктивного мышления не нужно было, чтобы понять — жена звонит. В телефоне так и пело: «Где ты, где ты, милый мой, потеряла силы я...»

Противно стало до тошноты.

Ее бывший так же вот, наверное, кольцо прятал, как в командировки уезжал. И голос понижал до шепота, когда на ее звонки отвечал. И врал, врал все время что-то несуразное, отчего хотелось орать на него и биться головой о стену.

Не орала, не билась, молча наливалась тихой яростью долгие годы — целых шесть, а потом взяла и развелась с ним в одночасье, пока он из очередной командировки ей витиевато врал про отложенные на три дня совещания с заседаниями. Знала же прекрасно, что никто ничего не переносил, все прошло в срок. И что снова он придет загорелым, даже там, где телу положено быть белым, — под трусами.

— Вы не очень-то старайтесь, мужчина, — произнесла она сквозь зубы после неудачных трех попыток попутчика разговорить ее. — Я не собираюсь заводить случайных знакомств, тем более в купе!

— Почему?! — вытаращил он на нее слабо выкрашенные природой голубоватые глаза. — Все же располагает, Дашенька! Все!

— Да ну?! — Она даже бровки поленилась кверху приподнять, настолько презираем ею вдруг стал попутчик. Глянула на него сквозь рес-

ницы, прикрыв лицо до половины газетой. — И что же, по-вашему, должно располагать? Надоедливый стук колес? Звон стаканов за дверью? Голоса пассажиров, что вышли покурить и оправиться? Относительной свежести постельное белье? Или... Или ваша, пардон, щенячья радость по поводу того, что от жены уехать удалось на недельку-другую?

Он так обиделся! Аж ахнул, как женщина, стоило ей замолчать. А потом из купе куда-то рванул и не возвращался часа четыре, а то и больше. Она задремала и за временем не следила, если честно.

А чего психанул, в самом деле? Правда ранит, да? Вот и ее бывшего тоже, наверное, это ранило в самое уязвимое его место — в чресла то есть. Он тоже так же ахнул, охнул, схватился за сердце, когда она ему в нос сунула свидетельство о разводе и произнесла монолог, достойный великих. Потом попытался прослезиться, но не вышло под ее отточенным долгими тренировками насмешливым взглядом. Поскольку слезы его были бы неубедительными, потому как не знать о готовящемся разводе он не мог. Дважды самолично расписывался в получении повесток. Наивно полагал, что, если не придет, их не разведут? Ох, дурачок! Детей у них не было? Не было. Процедура упрощена? До невозможного! Повестки получал? Получал. Проигнорировал? Проигнорировал. Вот и получи, Витенька, что заслужил.

Короче говоря, собрал он вещи и отбыл во свояси. И не звонил потом целых полгода и не появлялся. А потом вдруг начал каждый месяц на-

поминать о себе и задавать один и тот же вопрос — не передумала ли она.

Странно, как много в мужчинах общего! Ее попутчик вернулся ближе к вечеру изрядно выпивши. Сел на свое место напротив, два верхних все еще пустовали. Глянул на нее со значением и тут же спросил:

— Дашенька, а вы не передумали?

Она даже рассмеялась, честное слово, настолько комичной показалась ей ситуация. Ее шкодливого котяра, отгуляв исправно все шесть лет супружества и оказавшись выброшенным за борт, вынашивал полгода обиду, а потом решил, что ей без него ну никак. И принялся время от времени скрестись коготками в ее дверь.

И этот туда же!

— Что должно было случиться такого, Степа, — так он назвался, когда ввалился в купе, — чтобы я могла передумать? Заскучать? Почувствовать себя одинокой? Истосковавшей по мужскому теплу и рукам?

— Хотя бы! — воскликнул он, странно заблестев на нее слабо выкрашенными природой глазами. — Разве этого мало?

— Мало для чего? — устало отмахнулась она от него.

Меньше всего ей хотелось сейчас вести никчемные разговоры. Хотелось притвориться уснувшей и подумать. А он пристал!

— Мы с вами одни! Никто нам не мешает, пока... — Он долго подыскивал нужное слово, боясь разозлить ее. — Пока поезд идет к морю!..

— Пока ваша жена стирает пеленки! — перебила его Даша с раздражением и тут же резко се-

ла, сбросив ноги с полки на пол. — Так! Стоп! А с чего это такая уверенность, что никто нам не помешает в дороге? В нашем купе еще два свободных места, их могут занять на любой станции! Степа-аан!!! Смотрите мне в глаза! Откуда такая уверенность, а?

Могла бы и пожалеть парня, таким жалким он враз сделался. Нет же! Привычка к допросу уже в крови, в каждой клетке тела. Все-то ей нужно нестыковки уловить, проанализировать, преподнести, когда нужно, и прижать к стене.

Ну, узнала она, что девушка в билетной кассе его троюродная по материнской линии сестра, и что, легче стало? Ну, сделала та брату, несчастливому в браке, услугу, подобрав ему попутчицу с виду поинтереснее, дальше-то что?

— Глупо как, Степан, не находите? — тут же принялась она его воспитывать, как руки вдоволь повыкручивала, образно, конечно. — На моем месте могла оказаться преступница, интриганка какая-нибудь, аферистка! Вам, можно сказать, повезло, что я работаю в милиции, а то могли бы попасть в нелепейшую ситуацию.

— Да уж повезло! Лучше бы они, чем так вот, — огрызнулся он, вспотев лицом и телом. — Удружила сестрица, нечего сказать. Мента мне в купе сунула. Могла бы, между прочим, и предупредить, документики-то наверняка ваши видела, когда вы билет покупали. А она ни гугу! Красавица...

На «мента» она всерьез обиделась и до самого конца путешествия больше не говорила с ним. Больше они не увиделись.

Казалось бы, расслабься и отдохни, дорогая!

Нет же, как же!!!

Оставалась подруга, которой еще не досталось на орехи. О ней вспомнилось на третий день, когда было извлечено с самого дна чемодана Маринкино любимое черное платье, в которое та не влезала уже пару лет. Надела Даша маленькое черное платье в блестках и с боа, пошла в ресторан при отеле, тут же была окружена вниманием и тут же снова принялась злиться. Сначала на Маринку, потом на назойливых мужиков, ухаживающих нелепо, а то и откровенно пошло. Администраторшу вспомнила нехорошим словом, которая разболтала одному из ухажеров, что она не замужем.

Зачем поехала?! Что кому доказала?! Хотела повторить ощущения? Вернее, хотела обновленных ощущений, без присутствия блудливого бывшего?

Они же были, были два раза здесь вместе. Первый раз удался. Во всем виделась благодать: погода, море, песок, люди. Второй раз все похерил, поскольку неверный без конца таращился на баб, пропуская мимо ушей то, о чем она говорила. Забывал о ее просьбах. Ныл, что устал, что обгорел, что болит голова, что ему надо на работу, что горит какая-то командировка.

Вернулись. Он уехал в командировку. И вот из нее-то и вернулся до черноты загоревшим, без следов от трусов.

— Пропади все пропадом! — воскликнула Даша, уставившись злыми глазами на оброненный ею кусок мороженого.

И уронить бы на пол, так ведь нет — на подол сарафана, на самое такое место, что, если кому надо, подумает бог весть что.

— Не стоит так убиваться! — дунул ей в ухо низкий мужской голос, от которого с чего-то по хребту поползли мурашки. — Мороженое отстирывается.

— Допустим! А как я по городу стану добираться в отель?! — говорила она с тем, кто все еще продолжал торчать за ее спиной и дуть ей в ухо низким, хриплым и волнительным голосом. — До стоянки такси сто метров, а с таким пятном...

— Бойтесь себя запятнать? — Понятно было, что незнакомец ухмыляется. — Так разве же мороженым это возможно? Нужно что-то посолиднее.

— Послушайте!..

Она резко обернулась, увидела загорелые мужские кисти рук, наполовину втиснутые в карманы светлых брюк. Край льняной широкой рубашки, потом взгляд ее скользнул выше, туда, где внятно бугрились мышцы на груди. Затем шел воротник, охватывающий мощную шею. Подбородок, любой викинг удавился бы, чтобы такой иметь. Нос... Хороший нос... И глаза, черт бы их побрал, эти глаза!

Конечно, она их узнала — эти наглые зеленые глазищи, постоянно чему-то ухмыляющиеся, даже когда властный рот бывал недвижим. Ох, сколько времени у нее ушло на то, чтобы научиться не зависеть от их безусловной неотразимости.

— Сражает наповал, паскуда!!! — шипела с придыханием секретарша Неля, когда этого мужика сначала приглашали для беседы, а потом уже приводили к Даше в кабинет в наручниках. — Прямо, вот как глянет, хоть стой, хоть падай и раздевайся!!!

— Скажешь тоже, Нель, раздевайся! — фыр-
кал ревниво Дашин помощник Ванька, давно и
безнадежно нарезающий вокруг их секретарши
круги. — На нем крови, может быть, знаешь
сколько!!!

— А ты еще доказать сумеи! — огрызнулась
Неля и как в воду смотрела.

Никакой доказательной базы у Даши и Ваньки
не получилось. Все рассыпалось, ломалось и ру-
шилось.

— Может, Даш, ты тоже пала жертвой его не-
отразимости, а?! Может, мне к нему Ваньку при-
ставить, а тебе другим делом заняться, а?! — вы-
дал однажды версию ее начальник.

— Пал Степаныч!!! — тут же обиделась она и
дулась потом на него неделю. — Да вы что?! Он же
подозреваемый!

— Вот и работай его, раз он подозреваемый, —
рубил ладонью воздух Пал Степаныч на ровные
фрагменты. — Чего топчетесь, как пионеры, на
одном месте!

— Мы и работаем! — выпрямила Даша спину
так, что аж пуговицы на груди затрещали. — Мы
же...

— Мы же, они же, вы же! — снова перебил ее
начальник и рукой на дверь указал: — Через
день, если ничего не будет, отпустить должна сво-
его красавчика.

Нелька, паразитка, на последних словах как
раз в кабинет с чаем сунулась. Выслушала, в голо-
венке своей белобрысой прокрутила и прицепила
потом этого возможного уголовника, соскочившего
со всех мыслимых и немыслимых подозрений, к
Даше.

— Как там твой красавчик поживает?

— Что нового о красавчике твоём?

— Не слыхала, говорят, весь бомонд съел по галстуку от новой тачки твоего красавчика!

Даша хоть и бесилась, но отшучивалась, как могла. Нелька была родной племянницей кого-то сверху, и ей прощались и бесконечные отгулы за прогулы, и опоздания, и отвратительный по вкусу чай. Как тут рот ей закроешь!

А тем более теперь она не могла бы ничего ей возразить, когда этот самый красавчик стоит позади Даши, ухмыляется и таращится наглыми глазищами на ее подол, выпачканный мороженым.

Что тут скажешь?! Нелька-то понятно, что сказать могла.

— Здравсте, Дарь Дмитриевна.

Бывший подозреваемый, на которого не удалось ничего накопать и поэтому пришлось отпустить, обошел ее сбоку. Выдвинул стул напротив, сел, тут же положил ноги на соседний с ней стул, почти касаясь подошвами ботинок ее коленей, улыбнулся одними губами, глаза оставались холодными, и повторил:

— Здравствуйте, уважаемая Дарья Дмитриевна. Узнаете меня? Если нет, я представляюсь, — и протянул растопыренную пятерню.

Пожать руку человеку, которого ей отчаянно хотелось упечь за решетку, представилось ей абсурдным. Поэтому она просто кивнула и буркнула:

— Нет нужды, я вас помню, Захар... Захар Валентинович Баскаков.

— Сорока двух лет от роду, ранее не судим, но...

Даша тут же насторожилась. Она и так не особо была спокойной из-за его глаз, что сейчас не улыбались, оттого удивляли и тревожили. А тут еще это «но», прозвучавшее с явной угрозой.

— Но кому-то очень сильно хотелось, чтобы было не так, — продолжил Баскаков с нажимом. — И этот кто-то делал отчаянные попытки облить меня грязью с тем, чтобы подыскать мне подходящую статью и упрятать на долгие годы за решетку. И вот теперь этот кто-то сидит напротив меня, трясет выпачканным подолом и...

— И что?! — Она бросила в его сторону взгляд, которого побаивались все, включая уголовников.

— И мне вдруг пришла в голову совершенно невероятная идея выпачкать ее душу так же, как сейчас выпачкан ее подол. — Он перестал быть красавчиком, от вида которого писала заваркой Неля, он сделался страшным мощным зверем. — Станет ли так же трепетать ее душа, как трепещет теперь ее подол на ветру, а?! Или у этого симпатичного создания с серыми умными глазами вообще нет души? И пытаться заставить ее страдать бесполезно? Может, тогда взяться за ее плоть, а? Плоть всегда уязвима, даже если чувства мертвы...

Он говорил ей еще что-то. Очень хлесткое, противное и злое. Говорил, не повышая голоса и почти не глядя на нее, успевая при этом улыбаться девушкам, что проходили мимо летнего открытого кафе.

— Почему вы выбрали такую работу? — вдруг спросил Баскаков, без перехода перепрыгнув с темы мести. — Что в ней для вас? Что за идею пашете, не поверю!

— Почему? — Ей не хотелось ему улыбаться, но чтобы разрядить атмосферу, она попыталась: — Взятки я не беру, вы знаете.

— Знаю! — двинул Захар бесподобным подбородком.

— Зарплата не очень велика, об этом вам тоже известно.

— Известно! — еще один кивок.

— Почему тогда не за идею, а, Захар Валентинович?

— Потому что вы, Дарь Дмитриевна, сука, каких мало. Красивая, стареющая сука со скукожившимся от одиночества либидо. Оно и заставляет вас свирепеть каждый раз, как к вам в кабинет вводят подозреваемого на допрос. Особенно если такого пригожего, как я.

— Вы...

Ей стало очень горячо от слез, прихлынувших к глазам. И она, конечно же, не должна была позволять себе плакать перед этим мерзавцем, расстреливающим в упор все ее самообладание и уверенность в себе. Гадкие мерзкие слова очень сильно ранили, очень. И она... расплакалась.

— Убирайтесь! — Опустив голову, она пошарила рукой по столу в поисках салфетки, но вспомнила, что все их использовала, уничтожая пятно на подоле сарафана. — Убирайтесь! Гад!!! Какой же вы гад!!!

— Не больший, чем вы гадина, — с издевкой произнес Баскаков, протягивая ей упаковку бумажных платков.

Будто нарочно взял их, предвидя ее слезы.

— Зачем вам было нужно посадить меня, скажите, Даша?